

ГРИГОРИЙ
СКОВОРОДА

ДРУЖЕСКИЙ
РАЗГОВОР О
ДУШЕВНОМ
МИРЕ

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

Великие идеи

Григорий Сковорода
**Дружеский разговор
о душевном мире**

«ЭКСМО»

1775

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3(2)

Сковорода Г. С.

Дружеский разговор о душевном мире / Г. С. Сковорода —
«Эксмо», 1775 — (Великие идеи)

ISBN 978-5-04-100309-8

Григорий Сковорода – странствующий философ, знаток античности, без устали познающий тайны человеческой природы и загадки сознания. И начинал он с себя. От вопросов человеческого бытия он возвышался до вопросов бытия Бога, законов существования Вселенной. Для него не было тем маленьких и больших, он пытливно вглядывался в мир вокруг себя и стремился разгадать: зачем все это существует? Мы предлагаем вашему вниманию два произведения, которые многие исследователи называют определяющими для всей системы Григория Сковороды. Это «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира». В центре обоих произведений проблема «сродности» – то есть соответствия жизни человека его «природе», следования своему предназначению. А это проблема вечная. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 1(091)(47)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-04-100309-8

© Сковорода Г. С., 1775
© Эксмо, 1775

Содержание

Мудрому человеку весь мир есть отечество...	6
Весьма немалое дело – познать себя...	8
Кольцо	9
Кольцо	10
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Григорий Сковорода

Дружеский разговор о душевном мире

© ИП Сирота Э. Л. Текст и оформление, 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

По мнению Сковороды, способности («сродности») появляются у человека:

1. От природы.
2. Благодаря наследственности.
3. Как следствие Божьего промысла.
4. В связи с традициями его народа.

Правильный ответ вы сможете узнать, прочитав эту книгу...

Мудрому человеку весь мир есть отечество...

Григорий Сковорода (1722–1794) родился в селе Чернухи неподалеку от Полтавы, в семье небогатого казака Саввы Сковороды и его жены Пелагеи, в девичестве Шангиреевой. Если верить преданиям, мать философа вела свой род от Шан Шагин Гирея, некогда не последнего человека в Крымском ханстве.

В шестнадцать лет для Григория Сковороды начинается период странствий. Его часто сравнивают с «бродячими философами» античной Греции и Средневековья: мыслитель успел побывать певчим в петербургской Капелле и объехать половину Европы, поработать в качестве домашнего учителя и около года прожить в подмосковной Троице-Сергиевой Лавре...

В произведениях Григория Сковороды можно найти «переключку» с Платоном и Сократом (не зря многие его труды построены в форме диалогов или бесед!), отголоски пантеизма, отождествляющего Бога и природу. Очень почтительно он относился к философии древних стоиков, увлекался трудами Марка Аврелия и Сенеки.

Более всего философа занимали вопросы познания, природы человека, поиска истины... Все те же «вечные» вопросы, которые не теряют своей актуальности и в наши дни. Григорий Сковорода считал, что путь самопознания не может быть гладким и для понимания природы человеческого существа нужно пройти долгий путь. Вы готовы начать его?

1722 – Григорий Сковорода родился в селе Чернухи под Полтавой.

1738 – начало обучения в Киевской духовной академии (достоверных сведений о годах, проведенных там, у исследователей нет).

1742 – Сковорода приезжает в Санкт-Петербург в качестве придворного певчего.

1744 – предположительно возвращение в духовную академию.

Конец 1740-х – 1750 – путешествия по Европе.

1755–1756 – пребывание в Москве и Троице-Сергиевой Лавре.

1775 – издание диалогов «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира».

1787 – написаны притчи «Благодарный Еродий» и «Убогий жаворонок».

1791 – написан философский диалог «Потоп змиин».

1794 – философ скончался в селе Ивановка Харьковской губернии.

Весьма немалое дело – познать себя...

Противники еще при жизни называли Григория Сковороду «врагом церкви», причисляли к масонам, пытались уличить в еретичестве...

Литературное наследие философа очень разнообразно: он писал о самопознании («Асхань, или Симфония о познании себя самого»), о сущности мира и Вселенной («Диалог, или Разглагол о древнем мире»), о проблемах веры и богословия («Израильский змий», «Начальная дверь ко христианскому благонравия»).

Мы хотим предложить вашему вниманию два произведения, которые многие исследователи называют определяющими для всей системы Григория Сковороды. Это «Кольцо. Дружеский разговор о душевном мире» и «Разговор, называемый Алфавит, или Букварь мира», созданные в 1775 году. Оба посвящены близкому другу философа – воронежскому помещику Владимиру Степановичу Тевяшову. Они построены в форме диалогов и посвящены толкованиям Священного писания, исследованию «человеческой натуры», процессу познания мира, достижению счастья... Особое место занимает в системе мыслителя понятие «сродности» – то есть соответствие жизни человека его природе, следование своему предназначению.

Был ли Григорий Сковорода еретиком? Нет – он был истинным философом, стремившимся познать и объединить все лучшее, что было сделано его предшественниками за многие годы.

Кольцо

Милостивому государю Владимиру Степановичу, его благородию Тевяшову

Милостивый государь!

Идут к вам два разговора, жаждущие вашего лицезрения. Удостоите их своего приятия. Они уже прежде рождения своего определены доброму Вашему духу. Почтение мое к человеколюбному и кротчайшему батюшке Вашему, усердие мое к Вам и доброжелательство к целой фамилии Вашей приносит оные. Душа есть *mobile perpetuum* – *движимость непрерывная*. Крылья ее есть мысли, мнения, советы; она или желает чего, или убегает от чего; желая, любит, убегая, боится. Если не знает, чего желать, а от чего убегать, тогда недоумевает, сомневается, мучится, сюда и туда наш шарик качается, мечется и вертится, как магнитная стрела, доколь не устремит взор свой в дражайшую точку холодного севера.

Так и душа, наконец, когда нашла того, кого нигде нет и везде есть, счастлива. Сей один довлеет ее насытить, а без сего глотает воздух с поедающим все дни жизни своей землю змием.

Мнения подобны воздуху, он между стихиями не виден, но тверже земли, а сильнее воды; ломает деревья, низвергает строения, гонит волны и корабли, ест железо и камень, тушит и разжаряет пламень.

Так и мысли сердечные – они не видны, как будто их нет, но от сей искры весь пожар, мятеж и сокрушение, от сего зерна зависит целое жизни нашей дерево; если зерно доброе – добрыми (в старости наипаче) наслаждаемся плодами; как сеешь, так и жнешь.

Весьма я рад буду, если сия книжечка в прогнании только нескольких дней скуки послужит, но как я доволен, если она хоть в капле внутреннего мира поспособствует. Вседражайший сердечный мир подобен самым драгоценным камушкам: одна крошечка цену свою имеет, если станем его одну каплю щадить, только можем со временем иметь целую чашу спасения.

Разлив мысли наши по одним наружным попечениям, и не помышляем о душе, не рассуждая, что от нее всякое дело и слово проистекает, а если семя злое, нельзя не последовать худым плодам, все нас сырых оставит, кроме сего неотъемлемого сокровища.

Представьте себе смесь людей во всю жизнь, а паче в кончину лет своих, тоскою, малодушием, отвержением утех, задумчивою грустью, печалью, страхом, среди изобилия отчаянием без ослабления мучащихся, и вспомните, что все сие зло и родное несчастье родилось от преслушания сих Христовых слов: «Ищите прежде царствия Божия...» «Возвратись в дом твой...» «Царствие Божие внутри вас есть...» «Омой прежде внутренность стакана...»

Но благодарение Всевышнему за то, что никогда не бывает поздний труд в том, что для человека есть самонужнейшее.

Царствие Божие вдруг, как молния, озаряет душу, и для приобретения *веры* надобен один только пункт времени.

Дай Боже, вам читать *слово Божие* со вкусом и примечанием, дабы исполнилось на вас: «Блаженны слышащие слово Божие и хранящие». Другой разговор скоро последует.

А я пребуду, милостивый государь,

*Вашего благородия покорнейший слуга,
любитель священной Библии,
Григорий Сковорода.*

Кольцо Дружеский разговор о душевном мире

Лица: *Афанасий, Иаков, Лонгин, Ермолай, Григорий*

Григорий. Перестаньте, пожалуйста, дорогие гости мои! Пожалуйста, перестаньте шуметь! Прошу покорно, что за шум и смятение? Один кричит: «Скажи мне силу слова сего: *знай себя*». Другой: «Скажи мне прежде, в чем состоит и что значит премудрость?» Третий вопиет: «Вся премудрость – пустошь без мира». Но знает ли, что есть мир? Тут сумма счастья.

«Слыхали ль вы, братья, – четвертый, вмешавшись, возглашает, – слыхали ль вы, что значит египетское чудовище, именуемое сфинкс?» Что за срам, думаю, что такого вздору не было и в самом столпотворении. Сие значит не разговор вести, но, поделавшись ветрами, вздуть волны на Черном море. Если же рассуждать о мире, должно говорить осторожно и мирно. Я мальчиком слыхал от знакомого персианина следующую басенку.

Несколько чужестранцев путешествовали в Индии. Рано вставали, спрашивали хозяина о дороге. «Две дороги, – говорил им человеколюбивый старик, – вот вам две дороги, служащие вашему намерению: одна напрямик, а другая с обиняком. Советую держаться обиняка. Не спешите и далее пройдете, будьте осторожны, помните, что вы в Индии». «Батюшка, мы не трусы, – вскричал один остряк, – мы европейцы, мы ездим по всем морям, а земля нам не страшна, вооруженным». Идя несколько часов, нашли кожаный мех с хлебом и такое ж судно с вином, наелись и напились довольно. Отдыхая под камнем, сказал один: «Не даст ли нам Бог другой находки? Кажется, нечто вижу впереди по дороге, взгляните, по ту сторону бездны чернеет что-то...» Один говорит: «Кожаный мешище»; другой угадывал, что обгорелый пнище; иному казался камень, иному город, иному село. Последний угадал точно: они все там посели, нашедши на индийского дракона, все погибли. Спасся один, находясь глупее, но осторожнее. Сей по неким примечаниям и по внутреннему предвещающему ужасу притворился остаться за нуждою на сей стороне глубочайшей яруги¹ и, услышав страшный умерщвляемых вой, поспешно воротился в сторону, одоббив старинных веков пословицу: «Боязливого сына матери плакать нечего».

Не спорю: будь сия басня недостаточною, но она есть чучело, весьма схожее на житие человеческое.

Земнородный ничем скорее не попадает в несчастье, как скоропостижною наглостью, и скажу с приточником, что бессоветием уловляются беззаконные, есть бо крепки мужу свои уста, и пленяются устами своих уст. Посмотрите на людскую толпу и смесь, увидите, что не только пожилые, но и самые с них молодчики льстят себе, что они вооружены рогом единорога, спасающим их от несчастья, уповая, что как очам их очки, так свет и совет не нужен сердцу их.

Сия надежда сделала их оплошными, наглыми в путях своих и упрямыми.

А если мой молокососный мудрец сделается двух или трех языков попугаем, побывав в знатных компаниях и в славных городах, если вооружится арифметикою и геометрическими кубами, пролетев несколько десятков любовных историй и гражданских и проглянув некоторое число коперниканских пилуль? Во время оно Платоны, Солоны, Сократы, Пифагоры, Цицероны и вся древность суть одни только мотыльки, над поверхностью земли летающие, в сравнении нашего высокопарного орла, к неподвижным солнцам возлетающего и все на океане острова пересчитавшего. Тут-то выныряют хвалители, проповедующие и удивляющиеся ново-рожденной в его мозге премудрости, утаенной от всех древних и непросвещенных веков, без

¹ Яруг – овраг. – *Прим. ред.*

которой, однако, не худо жизнь проживалась. Тогда-то уже всех древних веков речения великий сей Дий пересуживает и, будто ювелир камушки, по своему благоволению то одобряет, то обесценивает, сделавшись вселенским судьей. А что уже касается Мойсея и пророков – и говорить нечего; он и взгляда своего не удостоивает сих вздорных и скучных говорунов; сожалеет будто бы о ночных птичках и нетопырях, в несчастный мрак суеверия влюбившихся. Все то у него суеверие, что понять и принять горячка его не может. И подлинно: возможно ли, чтоб сии терновники могли нечто разуметь о премудрости, о счастии, о душевном мире, когда им и не снилось, что Земля есть планета, что около Сатурна есть Луна, а может быть, и не одна? Любезные друзья! Сии-то молодецкие умы, плененные своими мнениями, как бы лестною блудницею, и будто умной беснующиеся горячкою, лишенные сберегателей своих, беспутно и бессовестно стремятся в погибель. Портрет их живо описал Соломон в конце главы 7-й в «Притчах» от 20 стиха. С таковыми мыслями продолжают путь к старости бесчисленное сердце множество, язвою своею заражая, нахальные нарушители печати кесаря Августа: «Спешите, да исподволь». Ругатели мудрых, противники Бога и предкам своим поколь, вознесшись до небес, попадутся в зубы мучительнейшему безумию, у древних адом образованному, без освобождения, чтоб исполнилось на них: «Видел сатану, как молнию...» Да и кто же не дерзает быть вождем к счастью? Поколь Александр Македонский вел в доме живописца разговор о сродном и знакомом ему деле, с удивлением все его слушали, потом стал судейски говорить о живописи, но как только живописец шепнул ему в ухо, что и самые краскотеры начали над ним смеяться, тотчас перестал. Почувствовал человек разумный, что царю не было времени в живописные тайны вникнуть, но прочим Александрового ума недостает. Если кто в какую-либо науку влюбился, успел и прославился, тогда мечтает, что всякое уже ведение отдано ему за невестою в приданое. Всякий художник о всех ремеслах судейскую произносит сентенцию, не рассуждая, что одной науке хорошо научиться едва достанет век человеческий.

Ни о какой же науке чаще и отважнее не судят, как о той, которая делает блаженным человека, потому, я думаю, что всякому сие нужно так, будто всякому и жить должно.

Правда, что говорить и испытывать похвально, но усыновлять себе ведение сие дурно и погубительно. Однако ж думают, что всякому легко сие знать можно.

Не диковина дорогу сыскать, но никто не хочет искать, всяк своим путем бредет и другого ведет, в сем-то и трудность. Проповедует о счастии историк, благовестит химик, возвещает путь счастья физик, логик, грамматик, землемер, воин, откупщик, часовщик, знатный и подлый, Богат и убог, живой и мертвый... Все на седалище учителей сели; каждый себе науку сию присвоил.

Но их ли дело учить, судить, знать о блаженстве? Сие слова есть апостолов, пророков, священников, Богомудрых проповедников и просвещенных христианских учителей, которых никогда общество не лишается. Разве не довольно для них неба и земли со всем вмещающимся. Сия должность есть тех, кому сказано: «Мир мой оставляю вам». Один со всех тварей человек остался для духовных, да и в сем самом портной взял одежду, сапожник сапоги, врач тело; один только владетель тела остался для апостолов.

Он есть сердце человеческое.

Знаешь ли, сколько огнедышащих гор по всему шару земному? Сия правда пускай тебя обогатит, пускай поставит в список почетных людей, не спорю, но не ублажит сердца твоего, сия правда не та, о которой Соломон: «Правда мужей, право избавит их...»

Твоя правда на шаре земном, но апостольская правда внутри нас, как написано: «Царствие Божие внутри вас есть».

Иное дело – знать вершины реки Нила и план лабиринта, а другое – разуметь истину счастья. Не вдруг ты попал в царство мира, когда узнал, кто насадил город Афинейский? И не то сердце есть несмышленная и непросвещенная тварь, что не разумеет, где Великое и где Средиземное море, но душа, не чувствующая Господа своего, есть чучело, чувства лишенное.

Море от нас далече, а Господь наш внутри нас есть, в сердце нашем. Если кто странствует по планетам, бродит век свой по историям, кто может знать, что делается в сердце? Иное то есть веселие, о котором написано: «Веселие сердца – жизнь человеку...»

Пускай бы каждый художник свое дело знал. Больные не могут в пище чувствовать вкуса: сие дело есть здоровых; так о мире судить одним тем свойственно, чья душа миром ублажена.

Счастье наше есть мир душевный, но сей мир ни к какому-либо веществу не причитается; он не золото, не серебро, не дерево, не огонь, не вода, не звезды, не планеты. Какая ж приличность учить о мире тем, кому вещественный сей мир – предметом? Иное сад разводить, иное плетень делать, иное краски тереть, иное разуместь рисунок, иное дело вылепить тело, иное дело вдохнуть в душу веселье сердца. Вот чье дело сие есть: «Сколь красны ноги благовествующих...» Сим-то обещано: «Сядете на престолах...» Всем блаженство, всем мир нужен, для того сказано: «Сидящим обоим на десяти коленам Израилевым». Вот кто на учительских стульях учит о мире! И сия-то есть католическая, то есть всеобщая, наука, чего ни о какой другой сказать нельзя.

Все прочие науки не всем, и не всегда, и не на все, и не везде нужны, и о всех их говорит Исаия: «Пути мирного не познали, и нет суда на путях их, ибо стези их развращены, по ним же ходят и не знают мира. Того ради отступит от них суд и не постигнет их правда. Ждущим света была им тьма, ждавшие зари во мраке ходили. Осягнут, как слепые, стену, и, как сущие без очей, осязать будут, и падут в полудне, как в полуночи, как умирающие восстанут...» Правда, что сие несчастье владеет сердцами, населенными неведением о Боге, но о сем же то и речь, что учить о мире и счастии есть дело одних богопроповедников; учить о Боге есть то учить о мире, счастии и премудрости. Они, всю тлень оставив, искали и сыскали того, у кого все вещество есть краска, оплот и тень, закрывающая рай веселья и мира нашего. Но прежде усмотрели внутри себя. «Се все оставили...» Из сих числа Исаия говорит: «Слышал голос Господа, говорящего: «Кого пошлю? И кто пойдет к людям сим?» И сказал: «Се я, пошли меня». И говорит: «Иди и скажи людям сим!..» И не дивно, что учил о мире, когда Христос, мир наш, был с ним. «Отрок (вопиет, как веселящийся в жатву) родился нам, сын, и отдался нам. Имя его великого совета – ангел. Чуден советник. Бог крепкий, властелин, князь мира. Отец будущего века, приведу мир на князя, мир и здравие ему (у него)».

Видите, чье дело учить о мире? Да учат те, которые познали человека, у которого мир и здравие. Вот учит о счастии Варух: «Слышь, Израиль, заповеди жизни внуши разуместь. Смышление что есть, Израиль? Что, если ты на земле вражьей? Обветшал сей на земле чужой, осквернился ты с мертвыми; вменился ты с сущими в аде, оставил ты источник премудрости. Если бы путем Божиим ходил ты, жил бы в мире во время вечное. Научись, где есть смышление, где есть крепость, где есть мудрость? Чтобы разуместь совокупно, где есть долгожитие и жизнь, где есть свет очей и мир?...» Видите, что в познании Божиим живет жизнь, и свет, и долгожитие, и мир, и крепость, и премудрость. Пускай же учат о счастии те, что говорят с Варухом: «Блаженны мы и Израиль, потому что угодное Богу нам разумное». Не видеть Господа есть лишиться жизни, света, мира и сидеть в аду. Внемлите словам Иереминым: «Слышите, и внемлите, и возноситесь, как Господь велел». Дадите Господу Богу вашему славу, прежде даже не смеркнется и прежде даже не преткнутся ноги ваши к горам темным; и пождете света, и там сень смертная, и положены будут во мрак, если же не послушаете, втайне восплачется душа ваша от лица гордыни, и плача восплачет, и изведут очи ваши слезы». Вот Мойсей учит о счастии: «Если не послушаете творить все слова закона сего, написанные в книге сей, и бояться имени честного и чудного сего, Господа Бога твоего, и удивит Господь язвы твои и язвы семени твоего, язвы великие и дивные и болезни злые и известные». Немного пониже: «И дает тебе Господь там сердце печальное, и оскудевающие очи, и истаивающую душу, и будет живот твой

висеть пред очами твоими, и убоишься во дни и в ночи, и не будешь верить житию своему...» Вот проповедует Соломон о блаженстве: «В страхе Господнем упование крепости, детям же своим оставит утверждение мира». «Страх господен – источник жизни, творит же уклоняясь от сети смертной». «Благословение Господне на главе праведного». Сие обогащает, и не должна приложиться к нему печаль, в сердце благословение, благополучие и благоразумие – все одно значит, если разжевать сии эллинские слова *εὐλοῦεν*, *εὐδαίμονεν*. Вот благовестит Павел Христа Божью силу и Божью премудрость: «Оружие воинства нашего не плотское, но сильное Богом, на разорение твердым, помышление низлагая и всякое возношение, изымающееся на разум Божий и пленяющее всяк разум и послушание Христово». Павел мечом премудрости закалывает мысли, возрастающие в сердце против Бога, чтоб покорить все наши помышления затверделые Божию ведению и разуму и сим нас просветить, и сие-то значит изгнать бесов. Бес – по-эллини *δαίμων*, значит ведение, знание, подлое помышление, стихийное разумение, долу ползущее, не прозирающее в Божии стихии, исполняющее исполнение. Сие есть родное идолочтение, не видеть в мире ничего, кроме стихий, сие есть начало всякого зла и вина и конец, как сказывает Соломон. Знать, то всемучительнейший страх тревожит сердце, в стихиях лежащее, видящее оные, всеминутно переменяемые и разоряемые, взирающее вдруг и на состав своего пепельного телишка, тому ж падению подверженного, но никакой помощи сему злу не находящее. «Ничто же бо есть страх, – тот же сын Давидов говорит, – только лишение помощи, сущих от помышления, в таковом сердце тем менее пищи от сладкой и твердой надежды, чем большее неведение вины, муку наводящей».

Совет истинный и правое помышление есть источник отрады. И напротив того, ничто несчастнее не язвит и не мучит сердечной нашей точки, как темные мнения, слепые знания и беснующиеся разумения.

Теперь видно, что значит сие Соломоново: «В советах нечестивого истязание будет».

«Уста лжущие убивают душу». «Куда же обратится, нечестивый исчезает».

«Правда бессмертна есть, неправда же смерти снабжение; нечестивые же кричали и словами призывали ее». «Подругою вменили ее и истаяла» и «Завет положили с нею, ибо достойны суть оной частями быть...»

Разорить и умертвить сердце свое есть единственное и родное злополучие. Сие сокрушение и смерть сердечная зависит от беспутных мыслей, ничего, кроме стихий, не видящих; оно со входу прелестно: «Сладок есть человеку хлеб лжи». Но потом исполнятся уста его камней. Сии помышления называет сын Сираха языком злейшим: «Смерть лютая, смерть его, и паче его лучше есть; ад не обладает благоверными и в пламени его не сгорят. Оставляющие Господа впадут в огонь, и в них возгорится и не угаснет. Послан будет на них, как лев, и как барс погубит их».

Они называются блудницею, мечом, ехидною, дикими зверьми, шершнями... Да и чем назовем невидимое зло и безыменное? О таковых сердцах сказано: «Люди, сидящие во тьме...» Сии советы мечом Божиим вырезать, нечисто дышащие мысли и мучительные мнения трудится Павел, а на то место возвратит в сердца наши мир Божий. Он называет их началами, властями, весь мир во тьме неведения Божиего заключившими. Совет частью началом именуется, потому что, как плод без семян, так дела без советов не родятся. У Давида именуются мысли начинаниями: «Растлили и омерзались в начинаниях». Именуются и главою у Мойсея: «Сей сотрет твою главу». Не поганая сия глава: «Речет безумен в сердце своем...» У Мойсея ж они называются семенем змеиным: «Вражду положу...»

Теперь видно, что значат те змии, о которых пишется: «Послал Господь на людей змиев, умерщвляющих и угрызающих людей; и умерли люди многие из сынов Израиля».

Сия казнь родилась из роптания на Бога. А роптать не иное что, как не разуметь и не признавать Господа, довольствуясь стихиями. Как (говорят ропотники), как быть может то,

чего ощупать нельзя? Теперь видно, что значит тьма египетская, тьма осязающая: сия есть ночь страшнейшая, ужасов и привидений исполнена, неведение грубейшее и лютейшее. Взгляните на 17-ю главу «Премудрого Соломона» о сих смертных мыслях и в «Книге Иова»: «Желчь аспидов в чреве его». «Ярость змиев да сеет». «Да убьет его язык змиин».

А что сие все к стихийным мыслям принадлежит, слушай Михея: «Полижут пепел, как змии, ползущие по земле, смятутся в лежбище своем о Господе Боге нашем, ужаснутся и убоятся тебя». Сих-то проклинает рай и блаженство наше Господь: «И сотворил ты сие, проклят ты паче всех скотов и паче всех зверей земных». О сих змиях Давид: «Язык их перейдет по земле, изострили язык свой, как змиин». «Что хвалишься в злобе сильной...»

Сие несчастье смертельным жалом сердца человеческие дабы не умерщвляло, велит Господь Моисею сделать медную змею, чтоб была она маяком, отводящим от злополучного пути безбожного и указывающим благополучный ход в познание Божие, в рай сладости, в царство мира и любви.

Когда змий, ползущий по траве, выманивает сердца наши из блаженного сада, то пусть и возвратит змий, но уже вознесенный от земли.

Сей уже змий не так, как в Данииловой книге идол Вил сей, напротив того, снаружи прах, но внутри твердая медь и сила живого Бога, плотским приодетая прахом. Сей змий воплощенная есть премудрость Божия, беседующая нашими словами, но ведущая от земли на небо, да избавит нас от ползущих змиев. К ней Михея говорит: «Восстань и изломай их, дочь Сиона, ибо рога твои положу железные, и ногти твои положу медные, и сотрешь людей многих». Сей змий есть Христос, слово Божие, священная Библия. «Я (вопиет) свет миру...» «Я пастырь добрый...» «Тот сотрет...»

Если имеешь уши, послушай, как чудно сей змий свистит: «Плоть ничто же...»

Что слаще сей благой вести сердцу христианскому? А сего-то змия благовестив приточник² дает знать: «Страшное слово сердце мужа праведного смущает, весть же благая веселит его».

Сей есть столб облачный, изводящий Израиля из осязающей тьмы в нетленное вечного, сей лежит на падение и на восстание, сей змий с преподобным будет преподобный, говоря к ним: «Сын, если премудро будет сердце твое, возвеселишь и мое сердце». Таков один вознесет змия, как написано: «Змия возьмут (вознесут)».

Презирать мудрых советы – значит самому себе зажигать факел. Для беспрепятственного путешествия нет важнее, то есть полезнее и величественнее, как узнать самого себя и сыскать в нашем пепле погребенную искру Божества, отсюда рождается благословенное оное царство владеть собою, иметь мощь и на стремления душевных всех тигров лютейших, как на везущих колесницу львах, ехать.

Всех наук семена внутри человека скрываются, тут их источник утаен, а кто видит его? Сей есть один родник неисчерпаемый всему благу и блаженству нашему, он сам есть оное блаженство, беспричинное *начало*, безначальная *причина*, в которой и от которой все, а она сама от самой себя и всегда с собою есть и будет. Посему и вечна, всегда и по всему одна и одинаковая, разумевающаяся и содержащая. Сия высочайшая причина всеобщим именем именуется *Бог*, свойственного имени ей нет.

Сие блаженство премудрые люди уже в древнейших веках нашли и наслаждались оным, а нам заветом своим неоцененное то сокровище оставили в наследие. Завет тот – суть книги их и ворота к счастью. «Премудрость и мысль блага во вратах премудрых». «У ворот сильных приедет, в воротах же города дерзая говорит...» «Мудрые жены создали дома». О сих-то книгах пишется: «Страшно место сие: не есть се дом Божий и сии врата небесные».

² Приточник – тот, кто сочиняет притчи, говорит притчами. – *Прим. ред.*

«Ешь мед, сын, ибо благ есть, да насладится гортань твоя, и уразумеешь премудрость душою своею». «Если бо обретишь оную, будет добра кончина твоя, и упование тебя не оставит». «Сия книга повелений Божиих и закон сущий вовек». «Все держащиеся ее в жизнь войдут, оставившие же ее умрут». В сих премудростях созданных домов блаженный Лот пирует и упивается с дочерьми своими, в сих упился и Ной; там пирует и братия с Иосифом. «Пили же и упились с ним».

Не то они вино пили, что пьют у приточника беззаконники: «Тии питаются пищею нечестия, вином же законопреступным упиваются. Но вино, веселящее сердце». Видите, в каких книгах искать должно веселья, а чье дело учить о нем.

Сие вино пьет небесный учитель в царствии отца своего с теми, о ком говорит: «Огляде окрест себя, сидящие говорят: – Се мать моя и братья мои...»

Сие вино есть от стола высокого: «Упьются от тука дома твоего». От сего стола вкушает и Павел: «Имеем алтарь...» Познание сладчайшей истины Божией подобной вину веселящему, с теми то же делается, что с неким древним мудрецом: сей любитель истины и ревностный мудрости искатель от молодых ногтей многие лета, между прочим, желал знать, какой разум и тайна закрывается в образе треугольника, который и ныне пишется в христианских храмах, а изнутри его или око смотрит, или солнечные лучи льются. Наконец, сокровенная сила вдруг, как молния, озарила душу его; вскочил Пифагор, начал руками плескать и кричать: «Сыскал! Сыскал! Сыскал!» Скажите мне, кто б не почел пьяным, взирая на него? Скакал и Давид, играя на органы. Несут и ведут за ним кивот с сокрушенным внутри заветом Господа сил в замок его Сион, а Давид перед ним пляшет. «Конечно, он спился или от меланхолии с ума сошел», – говорит, смотря в окошко, Мелхола, дочь Саулова. А Давид, на ее ругание несмотря, что желал, совершил: поднес Господу жертву всесожжения и жертву мира, праздник радости и веселья. Наконец, и последовавших ему израильтян сделал счастливыми, открыв им Господа сил, а «у Мелхолы, дочери Саула, не будет детища до дня смерти ее» (2 Царств, гл. 6).

Не очень сладкого рассуждения был бы Давид, и сам я чуть ли бы от смеха удержался, видя Давидово плясание о том, что втащил в крепость свою сундучище с каменными таблицами.

Сие многие и ныне делают, всякий день целуют Евангелие и почти спят на сем камне с Иаковом; но верую и разумею, что тайная воскресения сила, под каменными скрижалями сокровенная, как Мойсеево из горящей купины, так и Давидово сердце озарила и напечатлелась внутри его.

Там и Авраам увидел день Господен и возрадовался, сие сам Давид доказывает сими словами: «Отразился (запечатлелся) на нас свет лица твоего...» Иное дело – видеть камень с буквами и бумагу с чернилами внешним оком, а другое – взирать тем взором: «Возведите очи ваши», и слышать теми ушами: «Имеющий уши слышать, да слышит», и могли сказать с Павлом: «Написано не чернилом, но Духом Бога живого на скрижалях сердца плотских».

Краски на картине всяк видит, но чтоб рисунок и живость усмотреть, требуется другое око, а не имеющий оное слеп в живописи. Скрип музыкального орудия каждое ухо слышит, но чтоб почувствовать вкус утаенного в скрипении согласия, должно иметь тайное понятия ухо, а лишенный оно для того лишен движущей сердце радости, что нем в музыке. В самую пламенеющую усердием душу не скоро входит сияние славы Божией: «Когда придет время, явишься». Блаженное сие время на многих местах назначено. У Исаии: «Тогда отворятся очи слепых и уши глухих услышат, тогда вскочит хромым, как олень, и ясен будет язык гнусных».

«Собранные Господом обратятся и придут в Сион с радостью, а радость вечная над головою их. Тогда волки и агнцы должны пастись вкупе. Светися, светися, Иерусалим!...»

Сей-то свет снисшедший сделал схожими на пьяных апостолов: «Иные же ругающиеся говорили, как вином исполнены суть».

Кричит Петр и защищает их; но можно ль уверить застарелое в душах поверье, а иногда и злобное? Пьяны от радости, что уразумели то, чего, все оставив, искали... Увидели с Давидом знаменья и образов событие, чудеса на небеси и на земли прозрели, стали собирать манну.

Манна – значит *чудо*, то есть что то такое? «И се на лице пустыни манна, как коруанс³, бело, как лед, на земле узревшие то сыновья Израиля сказали друг другу: «Манна!», сиречь что есть сие? «Не ведал бо, что было». Говорит Мойсей к ним: «Сей хлеб, его ж завещал Господь». Несказанно радостны, что прозрели новое, начали прорицать новое новыми языками.

Сие-то есть быть пророком или философом, прозреть сверх пустыни, сверх стихийной вражды нечто новое, нестареющееся, чудное и вечное, и сие возвещать.

«Всяк, кто призовет имя Господне, спасется».

Спасением душе есть основательная радость и твердая надежда.

Дышат таковым же пьянством и сии Павловы слова: «Кто нас разлучит от любви Божией?» Но во всех сих препобеждаем за возлюбшего нас. Видите, сколько сильно в сем муже укоренилась радость, что все горести его приулаживает, ничто ему не страшно, весел и в темнице. Сей есть истинный мир.

Как здравие селение свое имеет не вне, но внутри тела, так мир и счастье в самой средней точке души нашей обитает и есть здравие ее, а наше блаженство.

Здравие тела не иное что есть, как мир телесный, а мир сердечный есть живность и здравие души, а как здоровье рождается после очищения из тела вредной и лишней мокроты, матери всех болезней, так и сердце, очищаемое от подлых мирских мнений, беспокоящих душу, начинает прозревать сокровенное внутри себя сокровище счастья своего, чувствуя, будто после болезни, желание пищи своей, подобное нашему ореху, зерно жизни своей в пустом молочке зачинающему. Сих-то начинающих себя познавать призывает премудрость Божия в дом свой на угощение через служителей: «Придите, ешьте мой хлеб и пейте вино...»

В сию гостиницу и пациент иерихонский привозится самарянином, зовет и всех сердце свое потерявших: «Приступите ко мне, погубившие сердца, сущие далече от правды»; «приидите ко мне, все труждающиеся...» О сем враче внушает нам сын Сирахов: «Почитай врача... ибо Господь создал его». А кто ж есть тот врач, если не сей: «Исцеляя всяк недуг и всякую язву в людях». Но что исцелял? «Исцеляя сокрушенных сердцем...» Если кто сердцем болен, если мыслями недужен, тогда точно сам человек страдает. Не тело, но душа есть человек, не корка, но зерно есть орех. Если целое зерно, сохранится и корка в зерне. Кто прозрит сие и поверит? «Очисти прежде внутренность стакана и блюда, да будет и внешнее их чисто». Исцели прежде сердечное сокрушение, не бойся убивающих тело. Иное телесное здоровье – другое дело веселье и живость сердца.

³ Коруанс – здесь, вероятно, пень. – Прим. ред.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.